

УДК 821

МЕТАМОРФОЗЫ ВРЕМЕНИ В ЛИРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ БОРИСА РЫЖЕГО

© 2013 г.

Т.А. Арсенова

Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

chelovekmira@mail.ru

Поступила в редакцию 06.08.2012

Исследуются образные характеристики времени в лирическом сознании поэта Бориса Рыжего (1974–2001). Пытаясь совладать с необратимым ходом личной истории, лирический герой Рыжего допускает различные метаморфозы времени, которые определяют возможность одной из важнейших для поэта интенций – возвращения былого, возвращения в хронотоп прошлого.

Ключевые слова: поэт Борис Рыжий, лирическое сознание, художественное время, образы времени.

Творчество Бориса Рыжего (1974–2001), чья сознательная жизнь пришлось на переломную в истории страны эпоху и за кем литературная критика закрепила именование «последний советский поэт» (определение, данное Алексеем Машевским, затем поддержанное Игорем Шайтановым и Леонидом Быковым [1; 2; 3]), отличается постоянной рефлексией на временные проблемы, выходящие за рамки проблем конкретно-исторического времени и связанные с ощущением времени как протекания жизни, как личной истории.

Центральное место в аксиологической системе поэтического творчества Рыжего занимает период его детства, прошедшего на фоне идеального безвременья 1970–80-х гг. – времени, которое у поэта изображается пронизанным солнечным светом: «В полдень проснешься, откроешь окно – / двадцать девятое светлое мая: / господи, в воздухе пыль золотая. / И ветераны стучат в домино...» [4, с. 349].

«Элегическая, грустная и светлая тональность» – особенно заметная на фоне современной Рыжему литературы постмодернизма – «составляет главное обаяние его поэзии» [5, с. 90] и особенно органично вписывается в характерную для постсоветской России ностальгию по ушедшей эпохе позднего советского прошлого.

«Ностальгия, – по словам американского слаviste Светланы Бойм, – это тоска по дому, которого больше нет, или, может быть, никогда не было». Ностальгия же по определенному времени, эпохе – это проекция времени на пространство, а именно – «попытка преодолеть необратимость истории и превратить историческое время в мифологическое пространство» [6, с. 91]. Недаром исследователи поэзии Рыжего утвержда-

ют, что он творит «особо осязаемый советский миф» (А. Машевский) [1, с. 176], во многом – отметим мы – вырастающий из мифа *узколокального*, сконцентрированного в «кварталах дальних и печальных» Свердловска 80-х, в «дворике крохотном в провинции печальной» [4, с. 314, 442] и т. д. (цитаты можно множить) – в общем, во вполне конкретной топографии промышленного свердловского района Вторчермет, где поэт прожил все свои школьные годы.

«Остров времени» («клочок земли под синим небом» [4, с. 48]), в который в итоге превращается период детства и юности поэта [см. об этом подробнее: 7] (а равно и его лирического героя, или – «автогероя», если выразиться словами самого Рыжего [см.: 8, с. 472]), не отпускает его до последнего, побуждая возвращаться назад усилиями памяти и творческого процесса письма: «Неотразимой музыке былого / подстукивать на пишущей машинке – / она пройдет, начнется снова. / Она начнется снова, я начну / стучать по черным клавишам в надежде, / что вот чуть-чуть, и будет все, как прежде, / что, черт возьми, я прошлое верну» [4, с. 475]).

Таким образом, ключевым для лирической поэзии Рыжего становится *мотив возвращения* (в самом широком его понимании) – это и почти физически ощутимое возвращение героя в хронотоп прошлого со всей его материальной советской атрибутикой, и возвращение самого прошлого (связанное с индивидуальными особенностями психического переживания времени), и даже возможность возвращения из-за черты небытия, посмертного возвращения поэта.

Сообразно данному ключевому мотиву лирики Рыжего складываются пространственные и временные закономерности его индивидуаль-

ного поэтического мира. Анализ и оценка лирическим субъектом временных отношений может принимать в произведении самые разнообразные формы – от пространных рассуждений на тему времени до *образных характеристик времени* [см.: 9, с. 17], на которые мы и обратим внимание в нашей работе.

Пытаясь совладать с необратимым ходом личной истории, лирическое сознание Рыжего допускает различные *метаморфозы времени*, под которыми в рамках нашей работы мы подразумеваем некие неожиданные, парадоксальные отклонения от привычной нормы протекания времени (прошлое → настоящее → будущее) и соответствующие им временные образы.

1. Так, в представлении героя Рыжего время потенциально способно *течь вспять* или *повториться*, из чего вырастает важный для понимания художественного мировоззрения поэта образ «жизни по кругу». Например: «Но верю, на горе засвищет рак, / и заново былое повторится» [4, с. 425]; «Но отыщется нужное слово, / но забродит осадок на дне, / время вспять повернется, и снова / мы поставим вас к школьной стене» [4, с. 455]; «Я верю, мы живем по кругу, / не умираем никогда» [4, с. 447]. Вполне закономерно, что образы текущего вспять времени или времени возвращающегося «обрастают» в стихотворениях Рыжего осязаемой предметной – «медиа-предметной» – оболочкой, в частности ход времени может сравниваться с вращением музыкальной пластинки (когда движение времени, как и иглы магнитофона, идет по спирали): «И пластинка [здесь и далее курсив в цитатах наш. – Т. А.] играла, играла, играла, играла, / и заело пластинку, и мне показалось тогда, / что и время, возможно, должно соскочить со спирали...» [4, с. 437]; «Но все осветит, все, что было, / исправит память – // звучи *заезженной пластинкой*, / хрипи и шелкай» [4, с. 505], – или с кинолентой, которую можно прокрутить назад, в прошлое [см. об этом подробнее: 10]: «Отмотай-ка жизнь мою назад / И еще назад: / вот иду я пьяный через сад, / осень, листопад» [4, с. 488]; «И когда бы пленку прокрутили / мы назад, увидела бы ты, / как пылятся на моей могиле / неживые желтые цветы» [4, с. 481].

Обе указанные интенции времени – течение вспять и возможность повторения – в принципе эквивалентны друг другу в силу того, что определяются потребностью лирического героя в возвращении «того же самого»; его сознание пытается заставить время «выкинуть фокус» (представить «а что, если?...»), стремясь «переписать», вновь прожить мгновение или определенный временной этап, чтобы воплотить не-

кую упущенную возможность – в том числе и возможность понять некие бытийные смыслы, которые, вероятно, открывались именно *тогда* (а даже, вернее сказать, мысля время в категориях пространства, – *там*). В свою очередь, идея «жизни по кругу», представления времени как *цикла*, провоцирует исследователей говорить о концепте возрождения / воскрешения в его творчестве [см.: 11, с. 111].

Таким образом, Рыжий вырабатывает свою, реализуемую в поэтическом творчестве, философию времени. Будущее, по Рыжему, включает в себя не только (а возможно – и не столько?) неотвратимость смерти, сколько возможность возвращения в Детство, к своим истокам, «прорыва» к «живой», «подлинной» жизни. Иными словами, временные слои «прошлое» и «будущее», разделенные неким *сейчас* (состоянием «экзистенциальной бездомности» героя [5, с. 90], его оторванности от корней, скитальчества и «внутренней эмиграции»), сходятся. Этим и обусловлено постоянное и чем дальше, тем более нагнетаемое лирическим героем желание побега, ухода из *сейчас*, из времени настоящего – или в область прошлого, или за черту земного бытия (ср. разные примеры: повторяемое как заклинание – «С какой перемены / в каком направленьи уйти? / Со сцены, со сцены / со сцены, со сцены сойти...» [4, с. 508]; или такое соседство семантики смерти и детства: «...я сейчас докурю и усну – / полусгнившую изгородь *ада* / *по-мальчишески* перемахну» [4, с. 502]).

2. Не менее важный парадокс хода времени в лирическом сознании Рыжего – его *остановка*. Чаще всего такие образы стоящего (стоячего) времени относятся к топографически конкретным хронотопам прошлого, например, к топосу Свердловского парка культуры и отдыха им. Маяковского, где «автогерой» поэта часто бывал в детстве и куда возвращается именно в желании снова почувствовать, уловить то, прежнее, время. В следующем стихотворении фоном для вполне динамичной картины (*листопад, поющий граммофон, идущий по парку герой*) становится сквозной для творчества Рыжего образ советской парковой скульптуры, уподобившись которой, застывает в этом топосе и время: «Отмотай-ка жизнь мою назад / и еще назад: / вот иду я пьяный через сад, / осень, листопад. // Вот иду я: девушка с веслом / слева, а с ядром – / справа, *время встало и стоит*, / *а листва летит*» [4, с. 488].

Своего рода комментарием-в-прозе к данному стихотворению можно считать фрагмент из «Роттердамского дневника» Б. Рыжего, рисующий особое состояние лирического героя, посе-

тившего вышеназванный парк: «Когда я стану старым, я приеду в этот парк один, сяду на сырую от весеннего дождя скамейку, буду слушать допотопную хриплую музыку и ждать. Ждать, когда лопнет хрустальный воздух и парк наполнится смеющимися детьми, одним из которых, наверно, буду я» [4, с. 550]. Метафорическое выражение «лопнет хрустальный воздух» в данном контексте можно расшифровать как некий «разрыв» в привычном (но на самом деле хрупком) течении времени, сквозь который высвобождается поток желанного героем прошлого. Кроме того, процитированное стихотворение и отрывок из прозы поэта – хороший пример повторяющегося эффекта буквально кино-запечатленности лирического героя-в-прошлом («я»-мальчика) в хронотопе детства.

Однако продолжается процитированный отрывок из дневника следующими словами: «А если так ничего и не произойдет, старик, сидящий под сиренью в пустом парке отдыха на фоне замершего колеса обозрения, – по крайней мере, это очень красиво». Попытки творческого воссоздания прошлого (опространствованного времени – «пространства, где мы с тобой жили») лирический герой Рыжего беспощадно критически по отношению к самому себе оценивает как ложь: «...А дело вот в чем: я вру безбожно, и скулы сводит, что в ложь, и только, влюбиться можно. // А жизнь проходит» («Ты танцевала, нет – ты танцевала...» [4, с. 485]). Складывается впечатление, что с тех пор, как «я жить ушел в свое стихотворенье» [12, с. 162], герой-поэт утрачивает ощущение подлинности жизни. В устремленности сознания героя в прошлое часто присутствует сомнение и далеко не всегда хватает веры в возможность возвращения: «Я не настолько верю в слово, / Чтобы как в юности, тогда, / Сказать, что все начнется снова. / Ведь не начнется никогда» [4, с. 465].

3. И однажды лирический герой, «вызывающий музыку былого», понимает, что нагромождение материальных, предметных знаков прошлого не способно приблизить его к состоянию настоящего ощущения и воссоздания былого. Более того – он приходит к выводу, что в данном случае ему не помогут ни *время*, ни *место* (*топоморфность* возвращаемого «рая» вообще ставится под сомнение): «Досадно, но сколько ни лгу, / пространство, где мы с тобой жили, / учились любить и любили, / никак сочинить не могу: / детали, фрагменты, куски, / сирень у чужого подъезда, / ржавеющее неуместно / железо у синей реки. // Вдали похоронный оркестр / (теперь почему-то их нету). / А может быть, главное – это / не время, не место, а жест, /

когда я к тебе наклонюсь, / невольно сжимая ладони, / на плохо прописанном фоне, / моя немелая грусть...» [4, с. 410].

Что такое в данном контексте *жест*? Еще одна форма существования времени? Жест, возможно, – нечто метафизически уловимое, сродни интонации, определенному ритму, или даже причисляемое к категории *нежности*, о которой писал Ю. Казарин [12], выделяя ее в качестве одной из доминант поэзии Рыжего. Но вернее всего было бы определить *жест* Рыжего как одно из звеньев той «непрочной цепи мимолетных, невозпроизводимых – и тем особенно ценных – внутренних *состояний* (курсив наш. – Т.А.), дробящих жизнь на мгновения» [13, с. 302–303], из которых состоит «элегическое “я”». Жест, выражающий и содержащий определенное время, – это время антропоморфизированное, т. е. время, существующее уже не в отвлеченно-абстрактных или конкретно-предметных формах, а «пропущенное» сквозь чело века и, по сути, человеком ставшее: я могу лишь тогда вернуть время / вернуться в то время, когда стану тем собой, каким был тогда, – сконцентрированным в одном отчетливом и семантически нагруженном жесте (читай: *состоянии*), настолько неуловимом и сложно воспроизводимом, как ощущение дежа вю, которое трудно испытать, если специально того захочешь. Поэтому изначально конкретно-исторический дух эпохи – родной, воспитавшей и утраченной – воссоздаваем исключительно через субъективное и личностно значимое и в то же время всеобщее, как этот жест.

Показательно также то, что, по Рыжему, «пространство, где мы с тобой жили», «сочиняется», фон – «прописан», а значит, прошлое для поэта является эстетическим объектом, над которым он как творец еще работает. Былое не столько вспоминается им, сколько творится во всей своей целостности и единстве с «я»-прошлым: творится и тот самый жест-состояние лирического героя, творится и его собственное лицо (см. слова Л. П. Быкова: «Рыжий пишет не о себе – он себя пишет» [14, с. 211]). Таким образом, время, эпоха, приобретая дискретный характер, «сворачивается» в человека – в образ «последнего советского поэта», созданием которого и занимается сиротствующий лирический герой Рыжего, стремясь именно в нем найти «дом» самому себе.

Заканчивая одно из стихотворений своеобразной самоэпитафией, с определенной долей самоиронии, не снижающей трагического пафоса, Б. Рыжий проговаривает некую пограничность, порубежность (ср.: «последний...»)

создаваемого им образа поэта, траекторию собственного пути: «...А когда после смерти я стану прекрасным поэтом, / для эпитафии вот тебе строчки к статье про меня: // Снег идет и пройдет. И наполнится небо огнями. / Пусть на горы Урала опустятся эти огни. / Я прошел по касательной, но не врез с небесами. // Принимаю без снобизма – и песни и слезы мои» [4, с. 388].

Исследование выполнено в русле комплексного интеграционного проекта УрО – СО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования».

Список литературы

1. Машевский А. Последний советский поэт: О стихах Бориса Рыжего // Новый мир. 2001. № 12. С. 174–178.
2. Шайтанов И. Борис Рыжий: последний советский поэт? // Арион. 2005. № 3. Или см. в кн.: Шайтанов И. Дело вкуса: Книга о современной поэзии. М.: Время, 2007. С. 519–533.
3. Быков Л.П. Борис Рыжий: последний советский поэт? // Советское прошлое и культура настоящего: моногр.: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 167–174. (Тр. Урал. МИОНа; вып. 21).
4. Рыжий Б.Б. В кварталах дальних и печальных: Избр. лирика. Роттердамский дневник. М.: Искусство – XXI век, 2012. 576 с.
5. Барковская Н.В. «...Любящий сын поэзии русской» // Филологический класс. 2003. № 10. С. 90–93.
6. Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: случай Ильи Кабакова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 90–100.
7. Арсенова Т.А. Хронотоп детства в лирике Бориса Рыжего // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 6: Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 73–82.
8. Рыжий Б.Б. Актуальная поэзия с Борисом Рыжим // Рыжий Б.Б. Оправдание жизни. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. С. 460–482.
9. Чередниченко В.И. Типология временных отношений в лирике: моногр. Тбилиси: Мецниереба, 1986. 138 с.
10. Арсенова Т.А. Кинофильм как модель хронотопа прошлого в лирическом сознании Бориса Рыжего // Вестник Удмуртского гос. ун-та. 2011. Сер. 5: История и филология. Вып. 4. С. 83–89.
11. Казарин Ю.В. Поэт Борис Рыжий: Моногр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 310 с.
12. Казарин Ю. Голубое и белое в синем [Электронный ресурс] // Культур-Мультипур. URL: <http://www.kulturmultipur.com/novosti/2011/5/13/1782>
13. Тюпа В.И. Элегическое // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. М.: Изд-во Кулагиной: Itrada, 2008. С. 302–303.
14. Быков Л.П. «Лица не пряча, сердца не тая» // Быков Л.П. От автора: Книга не только о стихах. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2007. С. 208–213.

METAMORPHOSES OF TIME IN BORIS RYZHY'S LYRICAL CONSCIOUSNESS

T.A. Arsenova

The article explores the image features of time in Boris Ryzhy's (1974–2001) lyrical consciousness. In trying to cope with the irreversible course of his personal history, B. Ryzhy's lyrical hero admits various metamorphoses of time which make possible one of the poet's most important intentions. This intention is to return the past, to go back to the chronotope he misses.

Keywords: poet Boris Ryzhy, lyrical consciousness, fiction time, time images.